

В.Г. Богораз-Тан

Распространение культуры на Земле
Основы этногеографии

Москва
«Книга по Требованию»

УДК 304
ББК 60.5
В11

В11 **В.Г. Богораз-Тан**
Распространение культуры на Земле: Основы этногеографии / В.Г. Богораз-Тан – М.: Книга по Требованию, 2024. – 316 с.

ISBN 978-5-458-39863-3

ISBN 978-5-458-39863-3

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2024
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2024

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

ПРЕДИСЛОВИЕ

Книга проф. В. Г. Богораза-Тана «Распространение культуры на земле» — очень яркая книга. Прежде всего, с методологической точки зрения интересна сама попытка построить историю культуры, как равнодействующую трех факторов: географического, антропологического и экономического. Такая попытка, по крайней мере, в сколько-нибудь последовательной и систематической форме, в литературе делается впервые. Затем, большую ценность представляют отдельные части книги. Таковы, напр., «Введение», главы: 3-я («Ранние хозяйственные формы»), 4-ая («Земледелие и скотоводство»), 6-ая («Начало торговли»), 9-ая («Этногеографические зоны»), 11-ая («Антропологические расы»). Очень живо написана глава 10-ая («Отдельные географические культуры»), хотя с ее методологическим подходом и нельзя согласиться. В этих главах много свежего материала, а там, где автор оперирует старыми фактами, он часто дает им новое и оригинальное истолкование. Вообще, в книге разбросано много интересных взглядов, и хотя далеко не все они являются бесспорными, однако, главная ценность их заключается в том, что они будят мысль и ставят новые проблемы.

Большой интерес представляют главы о языке (14-ая и 15-ая). Здесь дана сводка обширного материала, в некоторых своих частях вполне оригинального, — сводка, которая будет очень полезна для учащихся. Жаль только, что этот отдел носит чисто-описательный и, главное, *статический* характер. С точки зрения этногеографии не менее важно было бы поставить проблему о *генетике* и *эволюции* языка. Что постановка такой проблемы и указание путей ее решения в данный момент вполне возможны, показывают блестящие достижения той самой яфетической теории, которую кратко излагает проф. Богораз (гл. 14, стр. 203 — 207). Нам кажется, что скептицизм автора в вопросе о происхождении языка («это показывает трудность составить приемлемую, действительно научную теорию о природе языка», стр. 201) не оправдывается наличным состоянием науки и противоречит тому, о чем двумя страницами ниже говорит сам же проф. Богораз, излагая взгляды Нуаре и Марра.

Крупным достоинством книги проф. Богораза является ее язык: образный, выпуклый, живой, он представляет собой прекрасный образчик научно-художественной прозы. В этнографической литературе мало найдется описаний, равных по своей яркости изображению, напр., быта эскимосов или полинезийцев (гл. 10). В отдельных местах язык автора поднимается до истинного пафоса, и тогда его книга становится подлинной поэмой культуры, гимном человеческому труду, проникнутым бодрым оптимизмом и широким, свободным от предвзятых рассудков кастовых ученых, взглядом на вещи.

Однако, методологическая часть книги вызывает значительные возражения. Начнем с основного понятия «культуры», главнейшего объекта изучения этногеографии. В гл. 1, стр. 44, этому понятию дается следующее определение: «Культура — это есть *собрание* (курсив мой. С. К.) плодов коллективного труда, накопленный труд, человечества». Но это вовсе не единственное определение культуры, встречающееся в книге. «Человеческая культура, — говорит автор в другом месте, — является *силой* (курсив мой. С. К.), подобной различным другим существующим силам, физическим, химическим и геологическим» (стр. 27). Культура «излучается из общего центра», обладает «переменными токами», положительными и отрицательными, «притягательными и отталкивательными» (повсюду). Можно подумать даже, что культура уподобляется некоей материи: «Постепенно все пространство между двух культурных линий *заполняется культурой* (курсив мой. С. К.) и возникает широко-очерченное географическое культурное объединение» (гл. 16, стр. 251). Процесс распространения культуры имеет «геометрические формы»: существуют «культурные точки», культура распространяется по «*линиям*», по «концентрическим кругам» и по «эллипсам».

Наряду с признаками механическими и геометрическими автор наделяет культуру также свойствами чисто органическими. Культура, по его мнению, двуцентрична, причем эту двуцентричность можно понимать как *двуполость*. Одна культурная ячейка играет роль мужского начала, другая — женского: «В самом начале своего развития, — говорит проф. Богораз, — они оплодотворяются разрывом своей этнической оболочки под насильственным внедрением другого этнического элемента и слияния этих двух культурных и этнических ячеек в одно общее целое. Этот процесс как бы аналогичен процессу органического оплодотворения» (гл. 16, стр. 248). Органический характер культур выражается в их «росте» и «агрессивности» (гл. 16, стр. 256), в том, что одни культуры имеют «творческий» характер, другие нет (гл. 10, стр. 130). Культуры иногда «замы-

каются в себя», окружают себя «защитною стеной». «Вино культуры бродит», «выливается наружу» (гл. 16, стр. 246 — 247).

Таким образом, для автора культура не есть только «собрание плодов коллективного труда», но некоторое системное, органическое целое, живущее самостоятельной жизнью и развивающееся по законам частью механическим или физико-химическим, частью — биологическим. Остановимся, прежде всего, на вопросе о границах применения термина «культура». Поскольку существует известная группа явлений, именно социальных явлений, которая противопоставляется «природе» в узком смысле, и нуждается для своего обозначения в некотором термине, таким термином без особого вреда может служить слово «культура». Но, употребляя его, нельзя ни на минуту забывать его *собирательного* характера. Культура, действительно, является «собранием плодов коллективного труда», — не больше и не меньше. Всякий раз, как мы хотим идти дальше в раскрытии положительного содержания этих «плодов коллективного труда», термин культура не только перестает нам служить, но оказывается прямо вредным. Действительно, объем понятия культуры в ее трех аспектах — материальном, социальном и духовном (терминология проф. Богораза, см. гл. 1) — целиком совпадает с объемом понятия «общественность» (беря это последнее в широком смысле): нет ни одного явления культуры, которое могло бы существовать вне общества, и, обратно, нет ни одного социального явления, которое не было бы, вместе с тем, и «культурным». Но в то время как термины «общество», «общественность» имеют вполне четкое содержание, понятие «культура» такой определенности не имеет. На протяжении многих веков человеческой мысли в него вкладывали самое различное содержание, в результате чего термин потерял всякую ясность, стал широким и аморфным.¹ Это открывает широкую возможность его идеалистического и метафизического истолкования (недавний пример такого истолкования мы имели, напр., у Шпенглера).

Особенно легко понятие культуры приводит к опасности *ипостазирования*, придания «культуре» признака некоего самостоятельного бытия, некоей «сущности». Этой опасности в полной мере подвергся и проф. Богораз. У него ипостазирование культуры идет настолько далеко, что она оказывается *противопоставленной обществу*: «Человек на земле должен не только при помощи культуры бороться с при-

¹ Ср., напр., значение его в таких выражениях, как «дворянская», «буржуазная», «пролетарская культура». Здесь смысл слова «культура» отчасти совпадает с самим содержанием той или другой общественной формации, отчасти подчеркивает специфический характер творчества различных классов.

родой; он должен бороться и с самой культурой (курсив мой. С. К.), вечно отвлекать ее от зла и направлять ее на благо» (гл. 12, стр. 178). Такая борьба вполне естественна с точки зрения проф. Богораза, поскольку для него культура есть нечто самодовлеющее и, к тому же, «в самом начале своем» связанное «с каким-то вырождением», запятнанное «первородным грехом» (там же). Вся эта метафизика в значительной мере является следствием основного допущения о бытии культуры, как самостоятельной силы.

Ипостазирование культуры приводит проф. Богораза еще к одной ошибке: к отрыву ее материального аспекта от социального и духовного. В то время как «материальная культура всегда рациональна» и «темп ее развития . . . все же постоянно ощутим» (стр. 46), социальная культура «кажется нам почти антирациональной» (стр. 52), а темп (ее) развития . . . чрезвычайно медлен, итоги ее достижений ничтожны, и в этом она представляет *явную противоположность* (курсив мой. С. К.) культуре материальной» (стр. 52 — 53).

Здесь единый материально-социально-духовный процесс общественной эволюции совершенно искусственно разделен на два потока. При этом оказывается, что «социальная культура» и «социальный прогресс» понимаются проф. Богоразом чрезвычайно узко, в форме, главным образом, *моральной культуры и морального прогресса* (стр. 53). С такой точки зрения «прогресс», действительно, невелик, так как до сих пор социальная эволюция протекала, главным образом, в формах *классового общества*, — обстоятельство, которое упускает из виду проф. Богораз. Если же термин «социальная культура» употреблять правильно, понимая под ним *степень развития производственных отношений*, то тогда противопоставление материальной и социальной культур лишается всякого фактического обоснования: между социальными отношениями первобытного и буржуазного общества разница не меньше, чем между каменными орудиями шелльской эпохи и современными аэропланами.

Если говорить о системном, т. е. внутреннем, а не только внешнем единстве социальных явлений, то таким единством может быть только *общество*, но ни в коем случае не культура. Только конкретное общество, развившееся в определенном районе, связанное реальными, в первую голову хозяйственными, а затем и политическими и духовными связями, только одно оно есть действительная сила, только одно оно может возникать, развиваться, творить культурные ценности, гибнуть, завоевывать другие общества или, наоборот, быть завоеванным ими. Ибо только общество представляет реальную совокупность производственных отношений, реальную совокупность

идей и вещей, т. е. процессов-сил. «Культура» же такой реальной совокупности не представляет и в качестве лишь собирательного целого никакой творческой силой не обладает.

Что же касается таких употребительных выражений, как «средиземноморская», «европейская культура», то в них термин «культура» должен означать не что иное, как *тип общественного развития*.

В том или другом географическом районе, под влиянием его природных особенностей, с одной стороны, и всей совокупности исторических условий — с другой, в определенный момент развивается общественная жизнь либо в форме одного общества, либо в форме нескольких общественных организаций, которые, в конце концов, могут слиться в одну. Это развитие происходит в виде последовательной смены общественных формаций: родовой, феодальной, торгово-капиталистической и т. д. В другом районе в это же самое или в другое время развивается свое общество или свои общества, проделывающие в основном тот же самый путь развития, что и в первом районе, но с некоторыми местными особенностями, порожденными особыми условиями географической и исторической среды. Так возникает несколько основных типов общественного, т. е. хозяйственного, политического и духовного развития: средиземноморский, восточно-азиатский, западно-европейский и т. д. Вот эти-то типы развития мы и можем условно, для краткости обозначать словом «культура».

И как только мы станем понимать культуру как общественность в широком смысле, у нас исчезнут всякие искушения ее ипостазировать. Для нас станет совершенно ясным, что не может быть никакого противопоставления культуры — человеку, социальной и духовной культуры — культуре материальной, ибо все это — различные аспекты, различные стороны одного и того же явления — общественного процесса. И если люди, действительно, борются против культуры, то это борется не «человек» против «культуры» вообще, а один класс — против другого или одна общественность против другой.

Для нас станет также совершенно ясным, что *тип* общественного развития не может быть реальным, т. е. системным единством, — следовательно, не может, *как таковой*, воздействовать на другие типы развития. Могут быть, конечно, те или другие конкретные заимствования в областях технической или духовной, можно заимствовать учреждения, правовые и политические формы и т. д. Но, во-первых, заимствуются они лишь потому, что в том обществе, которое их заимствует, созрели условия, при которых такое заимствование стало возможным и нужным; а во-вторых, даже будучи заимствованы, новые институты всегда принимают специфически местную форму.

(Все сказанное, само собой разумеется, не исключает того факта, что *множественность* типов общественного развития, начиная с промышленно-капиталистической стадии, все больше превращается в *единство*, а *отдельные* общества все больше сливаются в *одно* общество.)

Ниже мы будем иметь возможность еще раз коснуться этой проблемы, а теперь перейдем к вопросу о том, насколько правильно понимание процесса общественной эволюции, как процесса биомеханического. Энгельс в отрывках своей неоконченной работы «Диалектика и естествознание» в совершенно ясной форме установил глубокое различие, существующее между группами явлений механических, химических, биологических и социальных: «Из этого же недоразумения,—говорит он,—вытекает яростное стремление свести все к механическому движению, чем смазывается специфический характер прочих форм движения. Этим не отрицается вовсе, что каждая из высших форм движения связана всегда необходимым образом с реальным механическим (внешним или молекулярным) движением, подобно тому, как высшие формы движения производят одновременно и другие виды движения, химическое действие невозможно без изменения температуры и электричества, органическая жизнь невозможна без механических, молекулярных, химических, электрических и т. д. изменений. Но наличие этих побочных форм не исчерпывает существа главной формы, в каждом случае. Мы, несомненно, «сведем» когда-нибудь экспериментальным образом мышление к молекулярным и химическим движениям в мозгу: но исчерпывается ли этим сущность движения?» («Архив К. Маркса и Фр. Энгельса», II, 1925 г., стр. 27 — 29.)

К этому же вопросу он возвращается в другом месте: «Итак, если мы желаем говорить о всеобщих законах природы, применимых ко *всем* телам, начиная с туманного пятна и кончая человеком, то нам остается только тяжесть и, пожалуй, наиболее общая формулировка теории превращения энергии, — *vulgo* механическая теория теплоты. Но сама эта теория превращается, если последовательно применить ее ко всем явлениям, в историческое изображение происходящих в какой-нибудь мировой системе, от ее зарождения до гибели, изменений, т. е. превращается в историю, *на каждой ступени которой господствуют другие законы* (курсив мой. С. К.), т. е. другие формы проявления одного и того же универсального движения» (там же, стр. 85).

Эти общие положения Энгельс иллюстрирует конкретным примером, взятым из области биологии, именно дарвиновским учением о борьбе за существование: «Животное, в лучшем случае, доходит до

собираения средств существования, человек же производит их, он добывает такие средства существования (в широчайшем смысле слова), которых природа без него не произвела бы. Это делает сразу недопустимым всякое перенесение без соответственных оговорок законов жизни животных обществ на человеческое общество (курсив мой. С. К.)... Уже понимание истории, как ряда классовых битв, гораздо содержательнее и глубже, чем простое сведение ее к слабо отличающимся друг от друга фазам борьбы за существование» (там же, стр. 65).

Отсюда для нас вытекает методологическое следствие огромной важности: необходимо чрезвычайно осторожно относиться ко всяким попыткам трактовки социальных явлений по типу явлений механических или биологических, хотя бы эти попытки и носили характер только аналогии. Всякие аналогии в этой области чрезвычайно рискованны, ибо они совершенно незаметно могут увести исследователя на ложный путь. Социальные явления подчиняются своим собственным законам, а поэтому и общественные науки требуют своих собственных методов, собственных приемов исследования, далеко не всегда совпадающих с методами естествознания. «Человек», прежде всего, есть социальная категория, а не только зоологический вид. Можно, конечно, изучать его и с точки зрения чистого естествознания. Физиология и анатомия человека, антропология и пр. занимаются этим, как известно, не без успеха. Но это изучение ничего не может дать общественным наукам, кроме нескольких голых фактов (вроде, напр., того, что человеку нужно поглощать ежедневно такое-то количество жиров, белков и углеводов, что он нуждается в таком-то объеме воздуха, что люди по цвету кожи делятся на белых, желтых и черных и т. д.). Если общественные дисциплины и пользуются этими фактами, то они всегда истолковывают их в своих собственных целях и по собственным методам.

Посмотрим теперь, куда приводят проф. Богораза биологические сближения и аналогии. Для этого остановимся сначала на законе двуцентричности культур, о котором мы упоминали выше. Стремясь доказать, что возникновение и дальнейшее развитие культуры всегда связано с двумя центрами, один из которых является началом оплодотворяющим (мужским), а другой — оплодотворяемым (женским), он ссылается на большое количество исторических фактов. Здесь и Рим с его двумя общинами — латинской и сабинской, и Египет (Верхний и Нижний), и Киев времен Аскольда и Дира; здесь и «речные пары»: Тигр и Евфрат, Сыр-Дарья и Аму-Дарья, Гоанго и Янде-кианг, Инд и Ганг, Шельда и Рейн, Сена и Луара, Волга и Ока;

здесь и парные государства: Литва и Москва, Ассирия и Египет, Афины и Спарта, Македония и Персия, Рим и Парфия, Украина и Москва; здесь, наконец, целые парные культуры: египетская и месопотамская, мексиканская и перуанская, греческая и латинская, английская и американская (гл. 16 и 17). Однако все эти доказательства в тех случаях, когда они не базируются просто на исторических легендах (Аскольд и Дир, латиняне и сабиняне), представляют произвольные сближения, произвольные выхватывания отдельных моментов из сложной сети взаимоотношений в угоду предвзятой теории.

Возьмем, напр., политические и культурные отношения в области Средиземноморья. На всем протяжении его истории эти отношения были настолько сложны и *многочеточны*, что уложить их во что бы то ни стало в схему двуцентричности не представляется никакой возможности. Проф. Богоразу кажется очень убедительной двучленность Египта и Месопотамии (гл. 16, стр. 251 — 252; гл. 17, стр. 268). Но исторически было бы гораздо правильнее говорить не о двучленности, а о трехчленности: Крит-Египет-Вавилония, или даже четырехчленности: Крит-Египет-Хетты-Вавилония. Современная историческая наука давно отказалась от мысли об исключительном преобладании в древнейшей истории Востока только двух культурных центров: Нильского и Месопотамского. С каждым годом для нас становятся все более ясными мощные эгейские и хеттские влияния на всю историю восточного Средиземноморья. Точно так же обстоит дело с «двучленностью Афин и Спарты, вокруг соперничества которых долгое время вращалась политика Эллады» (гл. 17, стр. 268). В Греции международная обстановка в действительности была гораздо сложнее и далеко не ограничивалась борьбой этих двух государств. Помимо Афин и Спарты, большую роль играл, напр., Коринф, настолько большую, что даже Пелопоннесская война была вызвана не столько спартанско-афинским антагонизмом, сколько антагонизмом коринфско-афинским,¹ к которому надо присоединить еще влияние Персии, сделавшееся решающим во вторую половину войны. Таким образом, в момент наивысшего обострения противоречий в бассейне Эгейского моря в конце V века, эти противоречия выражались не в двучленной, а тоже в четырехчленной формуле: Афины-Коринф-Спарта-Персия. Я уже не говорю о таких общеизвестных фактах, как позднейшее участие Фив в международной поли-

¹ См. А. Т ю м е н е в, Очерки экономич. и социальной истории древней Греции, т. II, стр. 153 и сл.

тике Эллады, участие, чрезвычайно усложнившее и без того сложную картину политических отношений.

Вообще, этой двучленности либо совсем не существует, либо в тех случаях, когда мы встречаемся с примерами международных группировок и военных столкновений в форме группировок и столкновений *двух* враждебных коалиций, — мы имеем здесь очень простой факт технически наиболее целесообразной, а потому сознательной *концентрации сил*. Война 1914 — 1918 гг. была, как известно, борьбой держав Согласия (Антанты) с центрально-европейской коалицией. Однако было бы странно искать здесь какую-то двучленность. Сложный клубок империалистических противоречий, создавшийся в начале XX века, клубок, в котором переплелись антагонизмы англо-германские, франко-германские, англо-французские, русско-германские, русско-австрийские, англо-русские и т. д. и т. д., пытались разрубить войной. Эта война, конечно, не могла быть «войной всех против всех», но только дуэлью, как наиболее целесообразной формой борьбы. Стремительный империалистический рост Германии обусловил то, что, в первую голову, было необходимо обезвредить именно ее. Отсюда возник союз всех против Германии (Австрия, Болгария и Турция играли, как известно, роль лишь вторых скрипок). Но война не разрешила ни одного старого противоречия, создав десяток новых, среди которых антагонизм СССР и капиталистических государств является одним из основных (тоже «двучленность»!).

Может показаться, что подтверждением закона двучленности служит теория речных культур Каппа-Мечникова, развитая проф. Богоразом в теорию «парных рек» (гл. 16, стр. 250 и сл.). Однако, для обоснования этой теории у нас нет решительно никаких данных. Из того обстоятельства, что классовая (феодално-государственная) общественность возникла очень рано в плодородных долинах, вовсе не следует, что, во-первых, она возникала и может возникнуть *только* в речных долинах и что, во-вторых, эти реки должны быть непременно *парными*. А Критская островная культура, чрезвычайно высокая и по своей древности не уступающая египетской и вавилонской? А малоазийские культуры? А культуры Центральной и Южной Америки? А Египетская культура, выросшая на берегах одной реки?

Коснемся еще одного примера безоговорочного переноса биологических понятий на область общественных явлений. Дело идет о так называемых «мутациях». Для проф. Богораза нет разницы между мутацией и революцией (гл. 2, стр. 67 и сл.), тогда как на самом деле их необходимо различать. Революция есть всегда явление социально-политическое. Она представляет собой смену классов-

вых общественных формаций, — следовательно, может иметь место только в истории общества, и притом *классового* общества. Что же касается мутации, то это — понятие более широкое, обнимающее всякий переход количества в качество, всякий «скачок», независимо от того, совершается ли он в мире органическом или неорганическом, в природе или в обществе. Всякая революция есть мутация, но не всякая мутация есть революция. С этой точки зрения в истории материальной культуры, напр., могут быть мутации, но не может быть революций (стр. 68).

В силу этого смешения понятий проф. Богораз обозначает одним и тем же термином «мутации» самые разнообразные исторические явления. Так, напр., он сближает три мутационных «продвижения культуры с юга на север»: в эпоху Цезаря, Карла Великого и Петра (гл. 16, стр. 263 и сл.). И хотя им указывается, что «российская мутация была обширнее и глубже мутации германской», однако, сходство между ними идет все-таки настолько далеко, что даже «фигура Петра . . . физически напоминает германского Карла и притом ближе, чем думают». Помимо того, что проф. Богораз чрезвычайно преувеличивает значение германской и русской «мутаций», самое сближение их исторически и социологически неправильно. «Карл Великий, — говорит он, — . . . связал вместе все члены германской империи. . . и наполнил германскую империю культурным содержанием. Римское право и латинский язык проникли в Германию и одновременно возникла немецкая литература. Крупно-хозяйственные «виллы», поместья Карла Великого, стали зародышем позднейших городов, и для этих городов Карл привел с юга первые кадры искусных мастеров. . . и первые группы торговцев». При Петре «Россия одновременно создала армию, охранку и сенат и московских попов завязала синодским узлом, построила флот и заводы, организовала вывоз хлеба и прочего сырья, устроила литературу, интеллигенцию, политическую ссылку». Здесь полуварварская, чрезвычайно примитивная, плохо сколоченная и быстро развалившаяся «империя» Каролингов ставится на одну ступень с довольно развитым торгово-капиталистическим государством Петра (который, кстати сказать, был только завершителем революции, начавшейся задолго до него). Сходство заключается только в том, что и тут и там мы имеем «продвижение культуры» на север. Но это сходство чисто внешнее. «Продвижение» в обоих случаях носило совершенно иной характер и было порождено совершенно иными причинами. Скорее можно сближать «мутацию» Цезаря с «мутацией» Петра, ибо и тут и там мы имеем дело с экспансией торгового капитала, прочно